

20 августа Василию Павловичу Аксенову – 60 лет. Русский писатель, произведения которого передавала из рук в руки молодежь шестидесятых, покинул Советский Союз в восьмидесятом. Его «уехали» из страны, как многих других, чье творчество не вмещалось в «прокрустово ложе» государственного дела. В высотном доме на Котельнической набережной, где мы встретились, разговор сразу зашел о Москве, о городе, по-особому близком Аксенову, о городе, который стал неизменным героем его произведений.

Василий Аксенов: Я против порослячьего ненастья

«еще не виден свет в конце тоннеля».

- Удастся ли вам читать в Вашингтоне русскую прессу? Могли бы вы назвать ее свободной?

- Читаю, хотя часто с большими перерывами. Здесь, конечно, читаю гораздо больше. Я бы назвал теперешнюю российскую прессу, особенно некоторые издания, скорее разнужданной.

- Вы уехали в Америку всего 12 лет назад. Я говорю «всего», потому что вы были уже зрелым человеком и состоявшимся писателем. Вы начали с нуля или же были широко известны американскому читателю?

- Я начал почти с нуля, но не потому что меня не знали. Мой роман «Звездный билет» был переведен еще в 60-е годы на 26 языков. Другое дело, я в Союзе за это ни копейки не получил. В 70-е годы меня практически перестали печатать. Поэтому, когда я приехал в США, имя было почти забыто. Однако я восстановил его, как мне кажется. За это время в Америке вышло 8 моих книг.

- С кем вы особо сблизились в США, можете ли рассказать о своих друзьях?

- Знаете, я много общаюсь со студентами и преподавателями университета Джорджа Мейсона, где сам

преподаю. Сейчас я веду два семинара. Это «Русский авангард в литературе и искусстве» и «Вопросы жанра» для молодых писателей. Большинство моих друзей – из академической среды... Вашингтон – город политиков, а не писателей. Но когда, например, приезжает Ростропович, я встречаюсь с ним, бываю у него на концертах и в гостях. Еще я дружу с югославским писателем Михайловым, общаюсь с некоторыми русскими литераторами. Творческая дружба связывает меня с переводчиком моих книг Джоном Гледом. Он профессор, великолепно знающий русский язык.

- Не приходилось ли вам общаться с Солженицыным?

- Нет. Александр Исаевич живет крайне обособленной жизнью и дорожит своим одиночеством. А мне кажется нетактичным без приглашения влезать в его особый мир.

- А как вы вообще относитесь к его творчеству и к нему самому?

- Я очень любил его прозу. Сейчас он перешел в «исторический жанр», это мне меньше нравится. Александр Исаевич все больше проявляет склонность к политическим пророчествам. Ведь известно его выступление в Гарвардском университете, где

он предвещал, что Запад в конце концов развалится под ударами тоталитарного монолита. Вышло же все наоборот. Мне кажется, Солженицын не понял Запада. Он считал, что западный либерализм – это слабость. А это как раз та самая сила, которая не даст Западу развалиться никогда.

- Недавно во французском издательстве «Дикозль» вышла ваша книга «Желток яйца». А какие из ваших произведений будут читать в России?

- Надеюсь, все же выйдет в Москве мое собрание сочинений. Сейчас я привез только что законченную третью часть трилогии «Война и тюрьма. Тюрьма и мир». Это история русской (московской) семьи в трех поколениях. Роман частично публиковался в «Юности» под названием «Московская сага». Действие романа охватывает период с 1925 по 1953 год. Я много работал с американскими источниками и документами, касающимися второй мировой войны. Завершается роман событиями известного «дела врачей».

- Василий Павлович! Знакомо ли вам такое чувство, как ностальгия?

- Вообще я не испытывал никогда отчаянной ностальгии в том понимании, в котором это принято тракто-

вать. Но я восемь с половиной лет не видел своего сына, не имел возможности видеть, и это было нелегко. В Америке я чувствую себя естественно, хотя не чувствую себя американцем. Но я и не чувствую себя чужим.

- За кого будете голосовать на выборах?

- За Билла Клинтона!! Он великолепно играет на саксофоне...

- Кто из русских писателей вам наиболее близок как читателю?

- Андрей Битов, Евгений Попов, Виктор Ерофеев, Татьяна Толстая – мои коллеги по альманаху «Метрополь», Виктор Астафьев...

- Вы когда-то были приятелями с Юрием Бондаревым...

- Да. Но его гражданская позиция далека сегодня от того Бондарева, который написал антисталинский роман «Тишина». Вероятно, он уверовал в себя как гиганта русской литературы. Ему показалось, что он должен вещать. А он не гигант и не вещатель. Он был писателем.

- На какого читателя вы как автор сегодня ориентируетесь? Изменился ли читатель по сравнению с тем, который читал, например, ваш знаменитый «Ожог», который стал отправной точкой изгнания?

- В шестидесятых годах в Союзе читатель был романтизирован. Помните: физики-лирики? Происходило слияние героя с читателем. Затем читатель стал больше обращаться к самому себе... В Америке совершенно другой читатель. Например, моя книга «Желток яйца». Она не опубликована в США. Пока мне не удалось найти издательство. Считают, что читатель не поймет мою книгу. Для них агент ФБР должен быть суперменом, а у меня он легкомысленный гомосексуалист. Или же – почему у меня в книге такой толстый русский, когда в России трудности с питанием, и т.д. Но такое произведение, как «Бумажный пейзаж», я писал в отрыве от всякой коммерции, от всякой ориентации на читателя. И это одна из моих лучших вещей.

- Что бы вы пожелали соотечественникам перед отъездом в Америку в канун своего юбилея?

- Я бы пожелал как можно скорее разорвать порочный круг порослячьего ненастья.

- ??

- Это значит, не вставать каждый день в кислое виде и не ходить целый день мрачным, с серым лицом. Несмотря на трудное время, надо постараться жить радостью. Я, например, никогда не думал, что доживу до крушения коммунистического чудовища. Счастлив, что дожил. А свет в конце тоннеля обязательно засияет.

Ирина ГОРЮНОВА

- Вы уже более двух месяцев в Москве. Какой вы нашли Родину на этот раз?

- Когда появилась такая возможность (ее не было у меня восемь с половиной лет), я стал ездить в Россию каждый год. Что называется - на университетские каникулы. Ровно год назад я был здесь.

- Застали августовский путч?

- Нет, уехал за день до путча.

- Чутье?

- Нет, просто не выдержал. Жуткое, безнадежное было ощущение, унылое. Жалкие попытки со стороны властей что-то сделать, введение карточек, талонов на сахар, очереди ни за чем у пустых прилавков: привезут - не привезут...

Приехал через год и нашел Москву совсем в другом качестве. Конечно, эта бесконечная уличная торговля отвратительна! Но ведь сколь сложно, болезненно переходить от десятилетий социалистической утопии к цивилизованному образу жизни. Впервые на фоне безостановочного распада я увидел поворот в сторону созидания.

- Но ведь вы могли не ощутить возросшей степени поляризации социальных слоев общества.

- Ну, во-первых, в политике и в экономике всегда активно действует меньшинство, а большинство просто ходит на службу и получает зарплату. Просто здесь к такой расстановке еще не привыкли. Во-вторых, страна в экономическом тупике, об этом нельзя забывать. А главное условие из его выхода - существование демократии.

- Вы верите в демократию в России?

- Я верю не только в демократию. Я верю в новое поколение. В Америке это называется - молодые городские профессионалы. Именно они в 80-х вывели Америку из депрессии 70-х. Я вижу, что здесь появляется свой, русский, вариант такой молодежи. Конечно, она еще с некоторыми криминальными элементами, много дурновкусия. Но это - плохая наследственность. Это исчезнет. Главное - есть желание что-то сделать, в корне изменить, желание больше заработать и больше тратить.

- Вы это ощутили, будучи только в Москве?

- Нет, я отдыхал в Ялте. Впервые за долгие годы общался с самыми разными людьми. Этот период, когда все хапали и торговали воздухом, прошел. Люди теперь всерьез думают о том, чтобы производить. Шок прошел. Но